

А.Ю. Желтов

ЕЩЕ РАЗ О ТИПОЛОГИИ ИМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ: СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВ НИГЕР-КОНГО, И ЕСТЬ ЛИ ЯЗЫКИ БЕЗ «РОДА»

Анализируется специфика именной классификации языковой семьи нигер-конго в сравнении с другими типами именных классификаций. Также предлагаются варианты формальной и семантической типологии именной классификации и определяется место языков нигер-конго в них. Поднимается вопрос о возможности считать грамматической классификацией противопоставление вопросительных местоимений в языках, где отсутствует более развернутая классификация.

Ключевые слова: языки нигер-конго, лингвистическая типология, именная классификация.

Еще в начале прошлого века известный французский индоевропеист Антуан Мейе, который интересовался наряду с другими проблемами и вопросом происхождения индоевропейского рода, писал: «[Род —] одна из наименее логичных и наиболее неожиданных грамматических категорий» [Meillet 1926: 202]. В конце века автор, наверное, самой известной работы по типологии категории грамматического рода Гревил Корбет пишет в заключении: «Мы все еще далеки от понимания того, как возникают системы грамматического рода» [Corbett 1991: 310]. Действительно, категория именной классификации — одна из наиболее дискуссионных категорий языка. В чем принципиальное различие между грамматикализованными системами (классы/роды) и неграмматикализованными (нумеративными, глагольными, посессивными) классификаторами? Из каких материальных источников могут возникать и те, и другие, и каков механизм их возникновения и развития? Почему возникают системы классификации (часто развернутые) в одних языках, в то время как другие обходятся без них? От каких языковых и внеязыковых факторов зависит наличие/отсутствие и тип именной классификации? Как соотносится категория рода/класса с такими категориями, как падеж, референциальность, число, «animacy hierarchy», личность, одушевленность? Вот только некоторые из вопросов, ответы на которые

в лингвистике неоднозначны. Наша статья не претендует на исчерпывающие ответы на эти вопросы, но представляет собой попытку приблизиться к ответам на некоторые из них.

Именная классификация и специфика языков нигер-конго

Исчерпывающая типология систем именной классификации в принципе вряд ли сейчас возможна: многие языки не описаны (или недостаточно описаны), один лингвист не может знать материал даже по всем описанным языкам с достаточной степенью компетентности. Приближением к решению проблемы могут стать появляющиеся базы данных, которые содержат материал по большой выборке языков, хотя подобные базы имеют свои недостатки: поверхностность данных, неполная и разная для разных семей презентативность, недостаток классификационных признаков. Рассмотрим, как представлены типологические параметры, имеющие отношение к именной классификации, в ВАЛС (World Atlas of Language Structures; табл. 1–3 по: [Dryer, Haspelmath 2013]).

Таблица 1. Число родов/классов по WALS

None	145
Two	50
Three	26
Four	12
Five or more	24
Total	257

Таблица 2. Противопоставление по полу

No gender system	145
Sex-based gender system	84
Non-sex-based gender system	28
Total	257

Таблица 3. Семантические/формально-семантические системы классификации

No gender system	145
Semantic assignment	53
Semantic and formal assignment	59
Total	257

Под семантическими системами понимаются семантически прозрачные классификации (типа английской), а под формально-семантическими — системы, где наряду с семантикой большую роль играют формальные характеристики (типа русской).

Если посмотреть на распределение признаков на карте и по языковым семьям, то картина получается достаточно разнородной. Единственные выводы, которые представляется возможным сделать, — о наличии большого количества языков без классификационных систем и явное доминирование систем, ориентированных на пол, при наличии именной классификации.

Ценным свойством рассматриваемой базы данных является возможность комбинирования признаков. Подобные комбинации дают в некоторых случаях более интересные результаты. Рассмотрим те из них, которые значимы для проблематики статьи.

Некоторые комбинации признаков распределяются по разным семьям и географическим ареалам. Например, комбинация «2 класса/рода + семантический тип» представлена в 21 языке со следующей дистрибуцией — Южная и Северная Америка, Австралия, Новая Гвинея, дравидийские, афразийские (1), индоевропейские (1), аустроазиатские языки. В целом можно заключить, что семантические (семантически прозрачные) системы имеют очень широкое географическое и генетическое распределение. Однако некоторые комбинации обнаруживают тенденцию к концентрации в определенных семьях. Например, комбинация признаков «2 класса/рода + формально-семантический тип классификации» представлена в 29 языках, из которых 27 афразийские и индоевропейские (+ мусетен и апаринья — Южная Америка),

«3 класса/рода + формально-семантический тип» — в шести из восьми индоевропейских языков. Из 42 языков с комбинацией признаков «разделение по полу + формально семантический тип» — в 32 индоевропейских и афразийских. Таким образом, наблюдается корреляция между небольшим (до трех классов) составом именной классификации, наличием противопоставлений по роду и формально-семантическому типу, с одной стороны, и индоевропейскими и афразийскими языками — с другой.

При этом можно заметить и другую тенденцию: из 17 языков с признаками «отсутствие противопоставления по полу + формально-семантический тип» все 17 относятся к одной семье нигер-конго. Из 17 языков, у которых формально-семантический тип классификации сочетается с большим, чем три, числом классов и отсутствием противопоставления по полу — 16 языков нигер-конго и один койсанский (Южная Африка). Таким образом, мы получаем еще одну яркую (почти стопроцентную) корреляцию между большим числом классов, формально-семантическим типом классификации и отсутствием противопоставления по полу в языках нигер-конго.

Интересно, что при этом из 59 языков с формально-семантическим типом классификации подавляющее большинство (49) составляют языки трех упомянутых семей. Таким образом, они образуют зону доминирования формально-семантического типа согласования, но при этом крайнюю степень различия по двум другим признакам — противопоставление по полу (отсутствует в нигер-конго и есть в индоевропейских и афразийских) и числу классов родов (больше трех — в нигер-конго, три или менее — в индоевропейских и афразийских).

Следует заметить, что степень «семантичности» в формально-семантических системах у языков, одинаково маркированных в базе данных этим признаком, существенно различается. В «родах» афразийских или индоевропейских языков семантичность очень низкая, даже для одушевленных имен, для которых признак рода коррелирует с признаком пола (например, в русском), родовая флексия почти не используется для словообразования: дериваты женского пола от имен мужского (общего) пола образуются,

как правило, не только изменением родовой флексии, но либо с использованием словообразовательных суффиксов, либо супплетивно: студент — студент-к-а, медведь — медвед-иц-а, бык — корова. Исключения типа «лис — лис-а», «супруг — супруг-а» крайне немногочисленны. Семантика «нигеро-конголезских» систем классификации проявляется более отчетливо. Например, в суахили (банту, нигер-конго) в 1 класс попадают все обозначения людей, в 3 класс — все названия растений, в 5 класс — все плоды и аугментативы, в 7 класс — обозначения вещей и диминутивы и т.д. Соответствующие четные номера классов обозначают множественное число для объектов нечетных классов:

1 класс (ед.) человек — 2 (мн.) люди

3–4 — растения +++

5–6 — плоды/аугментативы +++

7–8 — вещи/диминутивы +++

9–10 — (животные) +++

11–10 — длинные предметы и абстрактные понятия +

15 — инфинитивы.

Знак «+++» рядом с обозначением определенной семантической группы показывает, что семантика класса значительно более сложная: действительно, все названия растений попадают в 3 класс, но помимо растений в него входят такие имена, как «река», «гора», «нога», «месяц», «сердце», «движение» и т.д. Таким же образом дело обстоит и с другими классами, кроме 1, в который попадают только названия людей. Именно поэтому подобные системы и определены в WALSH как формально-семантические, а не семантические. Но большая степень семантической сложности по сравнению с родовыми системами проявляется и в способности именных классов к словообразованию: *m-tu* — «человек», *ki-tu* — «вещь», *u-tu* — «человечность», *ji-tu* — «великан», *ki-ji-tu* — «карлик»; *m-ti* — «дерево», *ki-ti* — «стул», *ki-ji-ti* — «палочка».

Таким образом, языки нигер-конго представляют собой особый тип именной классификации: формально-семантический (как и индоевропейские языки), но с большей степенью семантической значимости, с большим числом классов и отсутствием противопоставления по полу.

Есть ли языки без грамматической именной классификации (к формальной типологии именных классификаций)

В принципе, как показано в [Виноградов 1990], в любом языке реализуется классификаторская функция на уровне лексики: так называемые «генерические» слова типа «человек», «дерево», «вещь» осуществляют классификацию объектов на лексическом уровне. Что касается грамматической классификации, то общепринятая точка зрения признает наличие большого количества языков, где она отсутствует, — алтайские, уральские языки и т.д. Для признания существования в языке грамматической классификации обычно считается необходимым наличие согласования: если классификация основана только на имени, то мы имеем дело со словообразованием, а не словоизменением. Подобную точку зрения можно принять с одним существенным дополнением: если в языке классификация выражается только в имени, но кумулятивно с какой-либо другой словоизменяющей категорией, это явление превращается из факультативного (деривационного) в обязательное, а, следовательно, грамматическое. Подобное уточнение позволяет не исключать из систем грамматической классификации некоторые языки гур, в которых классификация выражена только в имени, но кумулятивно с категорией числа, и имеет очевидные формальные параллели с другими языками нигер-конго, в которых грамматичность классификации очевидна.

Рассмотрим проблему в контексте реализации в языках иерархии одушевленности. Иерархия одушевленности [Silverstein 1976] как некая семантическая классификационная шкала может рассматриваться в качестве глубинной семантической структуры по отношению к поверхностной структуре — грамматической классификации. Данное соотношение подобно соотношению семантических и синтаксических ролей. Язык как система, реализующаяся исключительно посредством коммуникативного акта, подразумевающего наличие говорящего и слушающего, не может функционировать без грамматического (поверхностного) выражения верхних уровней данной иерархии — местоимений 1 и 2 лица. Нет ни одного языка, где бы не было этих местоимений. Являясь

системой динамической, язык постоянно изменяется. В контексте потенциала языковой системы к развитию можно предположить, что если один из элементов семантической иерархии получил поверхностное выражение в форме сегментных грамматических единиц, то и другие уровни этой иерархии имеют тенденцию к поверхностному выражению. При этом чем выше элемент в иерархии, тем более вероятна его грамматическая реализация. Местоимения третьего лица встречаются в языках реже, чем местоимения первого и второго, но чаще, чем грамматикализованное выражение категории «люди». «Люди», в свою очередь, чаще функционируют в качестве элемента классификации, чем «животные», последние — чаще, чем «вещи». Таким образом, первичным для языка в целом является выделение имен и местоимений, а для именной классификации первичной должна быть оппозиция «личность/неличность». При этом данное противопоставление не обязательно сохраняться во всех системах именной классификации в эксплицитном виде. В ходе развития этих систем первичное противопоставление может перейти в разряд скрытых категорий.

Конечно, для подтверждения выводов о том, что во всех классификационных системах есть хотя бы следы подобной оппозиции, требуется более глубокое знакомство с материалами всех существующих языковых семей. Знание материалов по именовым классификациям, которым на данный момент обладает автор статьи, скорее подтверждает подобные выводы. Действительно, если в языке есть какие-нибудь элементы именной классификации, то противопоставление «личность/неличность» неизбежно обнаруживается в том или ином виде (часто — в виде противопоставления «одушевленность/неодушевленность»). В этой связи представляют интерес данные об упрощении языковых систем при явлении «языковой смерти» [Dixon 1986; Lakoff 1986]: при упрощении системы именно противопоставление «личность/неличность» сохраняется последним.

Л. Ельмслев отмечал, что местоимения «кто» и «что» для человека и остальных объектов различаются даже в тех языках, где в анафорических местоимениях не обнаруживается различия

между «он» и «она» и нет никакой другой классификации [Ельмслев 1972: 135]. Возникает вопрос, можно ли считать, что в языке есть грамматическое противопоставление по роду/классу (именная классификация), если в нем существуют вопросительные местоимения «кто» и «что». Представляется, что принципиальной границы между традиционными системами классификации и этим явлением нет и наблюдается определенный континуум. В самом деле, если в языке различаются по роду указательные местоимения, это всегда служит основанием для признания данной категории грамматической, при этом принципиальной границы между указательными и анафорическими местоимениями не существует (например, в латыни анафорические местоимения совпадают с указательными и не образуют отдельной парадигмы), следовательно, наличие хотя бы двух форм анафорических местоимений для референции к «человеку» и «всему остальному» можно признать наличием классификации. Нет принципиальной разницы между наличием в языке трех форм детерминативов (этот, эта, это), что определено является грамматической классификацией, и наличием трех форм анафорических местоимений (типа английских *he, she, it*). Разница состоит в более широком контексте, где реализуется согласование: для демонстративов — внутри именной группы, для анафорических местоимений — за ее пределами, в более широком синтаксическом контексте. Если в языке нет противопоставления по полу, но есть противопоставление «личность/неличность» в анафорических местоимениях, этот случай следует признать семантически отличным, но формально равноценным системам типа английской. Пример подобной системы можно найти в языке майа (адамауа, нигер-конго).

Таблица 4. Система местоимений 3 лица в майя

	Subject		Object		Possessive	
	Independent	Verbal	Direct/ Indirect	Indirect	Independent (‘mine’ etc)	Suffix
3 sg human	<i>nyoŋ/a</i>	<i>a-</i>	<i>-aŋ</i>	<i>-aŋ</i>	<i>yaŋo</i>	<i>-aŋ</i>
3 sg non- human	<i>au/bi</i> (<i>bo, ba</i>)	<i>b-, bi</i> (<i>bo, ba</i>)	<i>-aŋ</i>	<i>-aŋ</i>	<i>yaŋo</i>	<i>-aŋ</i>
3 pl human	<i>nyóŋ</i>	<i>ni/i-</i>	<i>-ne</i>	<i>né/ òŋ</i>	<i>eŋó</i>	<i>-uŋ</i>
3 pl non- human	<i>au/bi</i> (<i>bo, ba</i>)	<i>b-, bi</i> (<i>bo, ba</i>)	<i>aŋ</i>	<i>-aŋ</i>	<i>yaŋo</i>	<i>-uŋ</i>

Если мы признаем статус грамматической классификации за подобными системами с противопоставлением анафорических местоимений «он/она» и «оно», то остается лишь один шаг до признания грамматической и классификации с противопоставлением «кто» и «что». В таком случае следует предположить, что наличие двух форм вопросительных местоимений также является своего рода «прагматической» анафорой: отсылка идет не к предыдущему контексту, а к некоторому априорному знанию о лице / объекте вопроса, следовательно, принципиальная разница между анафорическими и вопросительными местоимениями заключается только в контексте соответствующей референции — утвердительном или вопросительном. Подобный вывод подкрепляется и достаточно частым совпадением форм вопросительных местоимений с релятивизаторами / относительными местоимениями (например, в английской фразе *I saw the man who had written this letter*), функции которых являются, по сути, частным случаем анафоры. Таким образом, вопросительные местоимения могут находиться, наряду с другими системами классификации, представля-

ющими минимальную степень ее выраженности, на одном конце континуума классификационных систем, в то время как на другом конце пребывают именные классификации типа индоевропейско-го рода или именных классов языков банту.

Таким образом, формальная типология именных классификаций по степени ее выраженности в синтагматике выглядела бы следующим образом:

- только вопросительные местоимения (алтайские, уральские и т.д.);
- вопросительные и анафорические местоимения (английский, майя);
- они же и зависимые элементы именной группы;
- они же и один из глагольных аргументов (русский и многие другие индоевропейские);
- они же и все аргументы глагола (некоторые банту).

К семантической типологии именной классификации

Если признать первичность противопоставления «личность/неличность» при формировании именных классификаций (а это подтверждается приведенным выше анализом), то возникает вопрос о следующих стадиях ее развития. Поскольку новые элементы должны наслаиваться на уже существующие средства противопоставления «личность/неличность», то усложнение может идти в рамках либо категории личности (1), либо неличности (2).

Сначала попытаемся представить возможное развитие в первом случае. Очевидно, что главное противопоставление внутри класса личности — это разделение на «мужской» и «женский» подклассы. Если опросить носителей любого языка, на какие подклассы делятся люди, то такой ответ, очевидно, будет самым частотным. В рамках противопоставления «мужской — женский» можно выделить три типа.

(1а). Первый тип может быть назван «семантизированным», поскольку в нем сохраняется семантическая прозрачность получаемых классов: «мужской», «женский», «остальное». Это наблюдается, например, в некоторых северо-кавказских языках (авар-

ский, даргинский), дравидийских, енисейских, некоторых койсанских и нило-сахарских языках. К подобным системам относится и английский язык.

(1б). Во втором типе возможно изменение прототипического варианта под воздействием метафоры, метонимии, культурных стереотипов. В этой связи весьма интересен австралийский язык дирбал [Lakoff 1987]. Для охотников пол животного значительно менее важен, чем для скотоводов, поэтому здесь не происходит распределения названий животных по родам в соответствии с полом, как это, видимо, происходило в праиндоевропейском, где генезис мужского и женского рода мог совпасть с зарождением скотоводства. Поскольку охотой занимаются мужчины, то животные и попали в класс мужчин. А в класс женщин попали солнце (женское божество в мифологии), птицы (согласно мифологии, в них превращались души умерших женщин), солнечный луч (перенос «часть от целого»), огонь (функциональное уподобление солнцу), колющие предметы (уподобление результата их действия (рана) результату действия огня (ожог) и т.д. Подобное развитие можно назвать «метафорическим». При нем не возникает категория одушевленности. Судя по всему, подобный путь развития не блокирует возникновение новых оппозиций и для «не людей».

(1в). Третий тип — с распределением животных по полу — приводит в конечном итоге к десемантизации системы. Так как класс «неличность» разрушается, то вслед за животными и другие имена начинают перераспределяться (по фонетическим причинам, а возможно, на первом этапе и по метафорическому или мифологическому каналу). В конечном итоге это ведет к максимальной грамматикализации системы, что выражается в виде синтаксического согласования. Категория одушевленности/неодушевленности является следствием перераспределения названий животных по классам мужчин и женщин. Любопытно, что подобный тип, который можно назвать «одушевленным» или десемантизированным, возникал в языках, носители которых, очевидно, давно занимались скотоводством — индоевропейских и афразийских, для них пол животного принципиально более важен, чем, например, для австралийских охотников.

(2). Когда развитие идет внутри класса «неличность», существует достаточно много оснований для усложнения системы. Во-первых, поскольку класс «людей» сохраняется, может получить дальнейшее развитие грамматическое выражение иерархии одушевленности (люди — животные — растения — природные объекты — нейтральный класс — артефакты). Во-вторых, для рассматриваемого подкласса значимыми могут оказаться «пространственные» характеристики: величина (аугментативы/димиутивы), форма, членимость/нечленимость, исчисляемость/неисчисляемость (подробнее см.: [Желтов 2008]). Ввиду ограниченности ареала распространения такого варианта развития его можно назвать «нигеро-конголезским»: все языки с системами классификации более трех элементов, не имеющие при этом противопоставления мужской/женский и представленные в базе данных WALS [Dryer, Haspelmath 2013], относятся к макросемье нигер-конго. Причем и в этом случае может возникать категория одушевленности, как, например, в суахили (банту, нигер-конго), где согласование имен, обозначающих животных, идет по личному 1 классу, а не по 9 — исходному «классу животных».

Редукция системы классификации, видимо, возможна при развитии в сторону усложнения как «личного», так и «неличного» классов. А вот переход из одного направления в другое маловероятен. Так что идея о возможности развития индоевропейского рода из классов бантуского типа вряд ли верна — это два разнонаправленных с точки зрения грамматической семантики варианта развития, доходящих до одинаково высокой степени грамматикализации.

Таким образом, мы намечаем контуры семантической типологии систем именной классификации:

1. Языки с первичной классификацией «личность/неличность».
2. Языки с противопоставлением «мужской/женский» в системе именной классификации:
 - а) семантизированный тип;
 - б) метафорический тип;
 - в) десемантизированный (одушевленный) тип.

3. Языки без противопоставления «мужской/женский» в системе именной классификации (нигеро-конголезский тип классификации).

Выводы

Без сомнения, предлагаемые контуры формальной и семантической типологий именной классификации носят предварительный характер. Хотя автор и попытался максимально широко использовать имеющийся материал по именованным классификациям в различных языках, картина не является полной уже по причине неописанности многих языков. В то же время предлагаемые типологические схемы претендуют на «динамичность». На их основании можно не только типологизировать существующие классификации, но и наметить варианты переходов из одного типа в другой. Остаются вопросы о путях появления систем, в которых присутствует противопоставление по полу, но число классов больше трех (некоторые северо-кавказские, австралийские языки). При этом языки нигер-конго отчетливо представляют собой особый тип именной классификации, который 1) формально выражается в максимальном объеме синтаксических контекстов, 2) обладает максимальным числом классов, 3) характеризуется отсутствием противопоставления по полу. Сочетание типологических параметров с генетической общностью представляется важным и ставит вопрос о причинах типологической специфики данной семьи.

Библиография

Виноградов В.А. Варьирование именных классификаций // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. С. 171–209.

Ельмслев Л. О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 114–152.

Желтов А.Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Corbett G.G. Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 363 p.

Dixon R.M.W. Noun classes and noun classification in a typological perspective // *Classes and Categorization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. P. 105–112.

Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info> (дата обращения: 05.09.2017).

Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. 614 p.

Meillet A. *Linguistique Historique et Linguistique Generale*. P.: Honore Champion, 1926, 350 p.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / Ed. R.M.W. Dixon. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.

ONCE AGAIN ABOUT THE TYPOLOGY OF NOUN CLASSIFICATION: NIGER-CONGO SPECIFICS, AND ARE THERE LANGUAGES WITHOUT “GENDER”

A.Yu. Zheltov

The article concerns the specificity of Niger-Congo nominal classification in comparison with other types of classification. The author offers his variants of formal and semantic typology of nominal classification and determines the place of Niger-Congo languages in them. The article also puts forward the question of possible treating interrogative pronouns as the minimal grammatical classificatory markers.

Keywords: Niger-Congo languages, linguistic typology, noun classification.